Симакова О.А. Русский дипломат С.Л. Лашкарев в истории борьбы сербов за независимость (1804 - 1812 гг.) / О.А. Симакова // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 199-204.

О. А. Симакова

РУССКИЙ ДИПЛОМАТ С. Л. ЛАШКАРЕВ В ИСТОРИИ БОРЬБЫ СЕРБОВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1804—1812 гг.)

В Новой истории Сербии началом организованной борьбы за независимость и государственность явилось Первое сербское восстание 1804—1813 гг. Россия внимательно и заинтересованно следила за бурными событиями, происходившими на Балканах и, особенно в Белградском пашалыке. На протяжении всего восстания она играла роль главного и единственного союзника повстанцев. Стремление Петербурга принимать участие в судьбе балканских подданных Порты, этническое и культурно-религиозное родство русского народа и народов Юго-Восточной Европы — все это составило прочный фундамент для установления связей сербских повстанцев с Россией. В основе этого фундамента лежала высоко профессиональная и кропотливая деятельность целой плеяды русских политических деятелей и дипломатов, среди которых был талантливый дипломат-востоковед С. Л. Лашкарев.

Сергей Лазаревич Лашкарев родился в 1739 г. в Москве в небогатой семье. Отец его, Лазарь Григорьевич Лашкарев-Бибилури, происходил из старинного рода грузинских дворян. 18-летним юношей он сопровождал в составе многочисленной свиты (свыше 1200 человек) грузинского царя Вахтанга VI, отправившегося в Россию в конце царствования Петра I. Через некоторое время после прибытия в Москву Лазарь Григорьевич женился на русской дворянке и стал одним из представителей ранней грузинской эмиграции в Москве. Сын его Сергей получил хорошее домашнее образование. Отец мечтал видеть сына на дипломатической службе. Он настойчиво обучал его иностранным языкам, уделяя особое внимание турецкому и персидскому. В 1762 г. юноша был принят в число студентов Коллегии иностранных дел, которая имела прямое отношение к подготовке драгоманов, знатоков восточных языков. В 1764 г. Сергей Лашкарев в числе трех лучших студентов приехал в Константинополь в переводческую школу при русской миссии, где должен был обучаться в течение пяти лет иностранным языкам. Ему было 24 года. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. прервала обучение. После возвращения в Петербург он стал одним из активнейших создателей Департамента азиатских дел и был назначен его первым управляющим с правом личного доклада Екатерине II, а затем и Павлу I. Лашкарев, обладая уникальными лингвистическими способностями, владел десятью языками, по-турецки он говорил, как турок, по-персидски — как перс. Имел чин тайного советника и за свои заслуги был удостоен многих наград. В 1804 г. вышел в отставку, был награжден бриллиантовой табакеркой с императорским вензелем и уехал жить в свое имение Дымово недалеко от Витебска.

Его дипломатическая карьера была наполнена остросюжетными событиями, рискованными ситуациями, сложными отношениями с высокопоставленными вельможами. Лашкареву довелось работать с видными государственными деятелями, маститыми российскими дипломатами — И. Паниным, А. Потемкиным, А. А. Безбородко, А. Р. Воронцовым.

Дипломатическая деятельность Лашкарева в период Русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в частности борьба за сербский вопрос в период перемирия в Слободзее (9 апрель 1807 — август 1808 г.), не самое яркое событие в его карьере. И тем не менее для сербов второй этап (с 1807г.) Первого сербского восстания явился качественно новым в борьбе за независимость. Этот этап стал временем относительного оживления хозяйственной жизни и

Симакова Ольга Алексеевна — доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

торговли, укрепления русско-сербских связей, важнейших внутриполитических событий. Сербы прекратили уплату налогов султану, перестали действовать турецкие суды и другие органы власти. Взамен турецких властей в ходе восстания были созданы сербские органы управления. В каждой нахии к 1807 г. имелся магистрат (суд), подчиненный совету и разбиравший гражданские и уголовные дела в качестве суда первой инстанции, а также исполнявший полицейские и нотариальные функции. Наряду с гражданскими властями все большее значение приобретали военные власти-воеводы и коменданты в нахиях и подчиненные им начальники отрядов. Воевода собирал натуральные налоги и по указанию совета расходовал продовольствие на прокормление наемного войска, на содержание пушкарей, писарей в магистратах и т. д. Ежегодно на скупщине воевода отчитывался в поступивших к нему деньгах и продовольствии. Условия военного времени способствовали тому, что военные власти все больше и больше оттесняли на второй план гражданские органы управления.

Все эти события внутренней жизни сербов в период Первого сербского восстания происходили на фоне длительной и напряженной дипломатической франко-русской борьбы за влияние на Балканах и сложных русско-турецких отношений. 12 августа 1807 г. Россия и Турция заключили перемирие в Слободзее. Этому факту предшествовали события, повлиявшие на дальнейшую политическую историю сербов, в которой не последнюю роль сыграл С. Л. Лашкарев.

В Константинополе столичные янычары произвели 28 мая 1807 г. государственный переворот. Они свергли с престола султана-реформатора Селима III и возвели на трон Мустафу IV, при котором влияние французской миссии на Порту еще более возросло. По инициативе Наполеона 25 июня (7июля) 1807 г. в Тильзите был подписан русско-французский договор о мире и дружбе и договор о наступательном и оборонительном союзе. В соответствии с этими договорами Россия обязывалась прекратить военные действия против Османской империи. Она должна была вывести свои войска из Дунайских княжеств при условии, что их не станут занимать турецкие войска до обмена ратификационными грамотами будущего окончательного мирного договора.

На этот период между русскими и турецкими уполномоченными в Слободзее заключалось временное перемирие до окончательного мира в Париже [1, т. III, с. 631—646]. Если же Порта откажется принять посредничество Франции в этих переговорах или эти переговоры в течение трех месяцев не приведут к удовлетворительному результату, то Франция обязывалась действовать совместно с Россией против Османской империи и обе договаривающиеся стороны вступают в соглашение о том, «чтобы освободить из-под ига и мучений турецких все провинции Османской империи в Европе, за исключением Константинополя и провинции Румелии» [1, т. III, с. 631—646].

По личному распоряжению Александра I представлять русскую сторону на переговорах поручалось бывшему начальнику Азиатского департамента 68-летнему дипломату в отставке С. Л. Лашкареву. Он получил секретную депешу от министра иностранных дел А. Я. Будберга, в которой говорилось: « Милостивый государь мой, Сергей Лазаревич... Не согласитесь ли Вы пожертвовать своим покоем и принять на себя временную комиссию в таком крае, где прежде служение ваше неоднократно было ознаменовано полными успехами...» [2, с. 227]. Лашкарев по справедливости пользовался славой искусного дипломата, он оказывался на самых трудных участках дипломатического фронта. В Петербурге Лашкарев через месяц получил от Будберга письмо, из которого стало ясно, в чем суть «временной комиссии». Министр писал: «Перед самым отъездом государя императора из Петербурга его величество изволил заниматься избранием чиновника, который бы был уже удостоен высочайшей доверенности, соединял вместе и большую опытность в делах, и все знания, нужные для трактования с турецким министерством на случай, когда бы мирные с Портой переговоры открылися...» [2, с. 228].

Лашкарев стал готовиться к мирным переговорам с Портой. 28 июня он получил следующий рескрипт: «Господин тайный советник Лашкарев! Почитая полезным в настоящих обстоятельствах пребывание Ваше в Молдавии и Валахии, я желаю, чтобы Вы немедленно отправились в сии княжества. В рассуждении же нужных Вам наставлений министр иностранных дел снабдит Вас оными для руководствования Вашего в возлагаемом на Вас поручении. Я уверен, что Вы, побуждаемые ревностию, каковою Вы всегда преисполнены были к службе и пользе отечества, почитаете и в настоящем случае употребить старания Ваши к успешному исполнению поручаемого Вам дела и тем подадите мне новый случай изъявить Вам мое благоволие. Пребываю в прочем Вам благосклонный Александр» [2, с. 236].

29 июня А. Я. Будберг смог более подробно сообщить суть дела Лашкареву: «При сем имею честь препроводить к вашему превосходительству высочайший рескрипт на имя Ваше относительно отправления Вашего в Молдавию и Валахию. Главный предмет оного, как то Вам уже известно, есть предполагаемое открытие мирных переговоров с Портою, и как по настоящему положению политических обстоятельств предполагать можно, что событие сие в непродолжительном времени может последовать, то Его Величество и соизволяет, чтобы по прибытии Вашему туда и по соглашению с Главнокомандующим армиею на основании данных ему наставлений Вы употребили все старания Ваши по заключению перемирия между армиею нашею и турецкою под начальством верховного визиря». Далее в письме подчеркивалось, что переговоры об окончательном мире с Турцией начнутся вскоре после заключения перемирия. Но при этом особо оговаривалось следующее важное обстоятельство: «ежели перемирие воспоследствует, в таком случае армия ваша должна возвратиться в свои границы, до того же времени... высочайшая воля есть, что бы Вы присутствовали в диванах обоих княжеств по месту пребывания Вашего, и как о том Главнокомандующему армиею уже и сообщено, и особливое попечение приложили бы к прекращению беспорядков и злоупотреблений, каковые вкрались там по части продовольствия войск наших». Таким образом, Лашкарев согласно «высочайшей воле» получил специальные административные полномочия в княжествах [2, с. 236].

Еще до прибытия Лашкарева в Молдавию и Валахию Александр I повелел генералу И. И. Михельсону войти в личный контакт с великим визирем для заключения перемирия. Такую попытку он предпринял, однако турки отказались вести с ним какие-либо переговоры. Это обстоятельство затрудняло предстоящую миссию Лашкарева. По прибытии в Бухарест он был приглашен командующим русским корпусом генерал-лейтенантом Милорадовичем на прием, где познакомился с посланцем персидского шаха мирзой Юсуф-беком, который направлялся к Наполеону. В ходе частных бесед за «кофеем» Сергей Лазаревич выяснил, что, несмотря на Тильзитский мир, Франция продолжает плести интриги против России на Востоке. И, наконец, самое главное — Юсуф-бек сообщил: «Мой государь вступит с вашим государем в мирные переговоры. Нам нужно быть друзьями по причине соседства и торговли» [2, с. 240].

Вскоре Лашкарев получил письмо от Михельсона, в котором тот описывал факты разорения турками деревень, грабежей и насилия над крестьянами. Положение населения было весьма тяжелым, и тем не менее турецкий полномочный представитель требовал их возвращения в Османскую империю. При таких обстоятельствах в начале своих переговоров с турецкой стороной в Слободзее Лашкарев посчитал необходимым обратиться с реляцией к Александру I. Он писал о том, что эти земли, находясь под турками, с каждым десятилетием все больше и больше разоряются. В документе особо подчеркивалось, что жители княжеств хотели бы войти в состав Российской империи. Это же относилось и к сербам [2, с. 267].

Еще в 1804 г. в своем обращении к А. А. Чарторыйскому сербские депутаты писали: «Общее всех сербов междувременное желание есть, чтобы Сербия под именем сербского правления либо под иным сходным наименованием, например Семи Островов Республики,

под прямым и непосредственным России защищением и покровительством в самостоятельное политическое состояние произвелася...». Копию этого документа Сергей Лазаревич послал генералу Михельсону, который на следующий день прислал ответ: «Мысли вашего превосходительства во всеподданнейшем донесении его императорскому величеству я читал и нахожу, что ничто лучше не доказывает добрую волю Вашу и опытность, как оные» [3, с. 60—62]. Михельсону были понятны и близки рассуждения Лашкарева. В своей инструкции от 16 июня 1807 г. он писал: «Буде согласится князь Ипсилантий на отправление греческих волонтеров своих для содействия к сербам, как поручал я Вам объясниться с ним по сему предмету в предписании моем от сего месяца, то предоставляю вашему превосходительству учредиться в Букаресте с генерал-лейтенантом Милорадовичем, каким образом их туда отправить. И от сего генерала истребуйте отпуска свинцу и пороху, который назначен от меня для снабжения оным сербов ...» [2, с. 241].

Конечно, Лашкарев, как опытный дипломат, понимал, что должны быть четкие инструкции, на которые он должен ориентироваться в ходе переговоров. Несколько раз дипломат писал «доношения» в Петербург, но министр не отвечал. Молчание Будберга объяснялось тем, что он был категорически против Тильзитского мира с Наполеоном. И только в сентябре, когда переговоры давно закончились, Будберг ответил пространным объяснением, указывая на то, что при заключении перемирия главное должно состоять в том, чтобы в акте перемирия не делать постановления о выводе войск из княжеств, поскольку в случае каких-то осложнений турки успеют очень быстро занять самые выгодные места и укрепления, которые до заключения перемирия находятся в руках русских. Русские же войска в случае возобновления военных действий, будучи отведены за Днестр, лишались всех своих стратегических преимуществ. Такого же мнения придерживался главнокомандующий Дунайской армией генерал Михельсон.

Между тем в Слободзею прибыл французский дипломат полковник Арман Шарль Гильемино, которого Наполеон назначил своим посредником на переговорах (такое посредничество было предусмотрено в Тильзите). Граф Гильемино — впоследствии генерал-майор французской армии, дипломат, в 20-х гг. XIX в. посланник в Турции. Прибыв 31 июля в Слободзею, Лашкарев сразу же встретился с французом, которого поставил в известность о незаконных действиях турок, и привел примеры разорения деревень. Однако посланник на это никак не реагировал. Условились о том, что официальные переговоры начнутся на следующий день. С самого начала у Лашкарева было недоверие к посредничеству французов. Из его подробного донесения в Коллегию иностранных дел стало ясно, что Гильемино за спиной Лашкарева тесно общается с турецким полномочным Галибом-эфенди. Русский дипломат настаивал на том, что французское посредничество только мешает российским интересам. Вместе с тем он весьма проницательно заметил в своем очередном донесении, что Порта боится, чтобы французы за труды свои не отбили у ней «хороший участок» [1, т. III, с. 623—625]. Его также беспокоила деятельность французского консула в Видине, который действовал по инструкциям генерала Себастиани. Лашкарев был знаком и с рапортом командира дислоцированного в Сербии корпуса генерал-майора Исаева на имя Михельсона, где говорилось о том, что французы распускают слухи, что русские оставляют Сербию, Валахию и Молдавию. Вывод был сделан вполне определенный: посредники-французы только мешают.

Условия в Слободзее для работы были очень сложные. Обязанности секретаря и помощника выполнял сын Лашкарева — Сергей. 1 августа турецкий полномочный Галиб-эфенди приехал с визитом к Лашкареву. Во время визита, который длился два часа, велись беседы о предстоящем перемирии. В тот же день открылась официальная конференция, на которой присутствовали полномочные со своими секретарями и французский посредник.

Первое заседание, которое длилось четыре часа, было целиком посвящено сербскому вопросу. Галиб-эфенди решительным образом требовал вывода русских войск из Сербии и

настаивал, чтобы сербы вообще не были даже упомянуты в перемирии. Турецкий полномочный убеждал Лашкарева в том, что сербы неоднократно изменяли султану и воевали против него. Русский дипломат находил эти доводы несерьезными и заявил: «Везде, где российские войска находятся, должно, чтобы перемирие служило в равной силе... я настаиваю, что сербы подходят под перемирие» [2, с. 243]. Принципиальную и твердую позицию Лашкарева сразу же оценил генерал Михельсон. Он писал: «Сердечно поздравляю Вас с столь добрым дела началом, какового и окончания желаю. Особенно благодарю Вас, милостивый государь, за сербов...» [2, с. 245—246]. Однако турки категорически отказывались изменить свою позицию по сербскому вопросу. Русский дипломат стал готовиться к длительным переговорам. По своему опыту он знал, что переговоры с турками всегда отличались большой сложностью. В это же время Лашкарев получил инструкции по сербскому вопросу от Михельсона : «Упорство со стороны турков велико, но ежели они уже никак не согласятся распространить перемирие на всю Сербию, то, по крайней мере, нужно, чтобы такое распространение было на ту часть Сербии, где наши войска находятся. Пускай постановят, что военные действия до окончания мира прекращаются во всех местах, где только наши войска действовали, то я и сим доволен буду и прикажу корпусу Исаева следовать сюда» [2, с. 245—246].

На заседании уполномоченных 3 августа обсуждался проект условий, предложенных турецкой стороной. Он предусматривал восстановление власти султана в Дунайских княжествах до подписания статей мирного договора. Лашкарев отклонил этот проект и настоял на принятии условий тильзитских соглашений, согласно которым русские и турецкие войска должны быть выведены из Молдавии и Валахии и оставлены все крепости, находящиеся по левую сторону Дуная. В течение 35 дней русские войска должны быть отведены за Днестр, а турецкие — за Дунай. Однако на переговорах в Слободзее турецкий полномочный Галиб-эфенди, чувствуя поддержку полковника Гильемино, проявил твердость и неуступчивость по сербскому вопросу, который так и не был решен. В тексте перемирия лишь говорилось о том, что «турецкие войска не предпримут никаких неприятельских действий, где есть русские войска, соединенные с сербами». Переговоры были закончены 12 августа. Лашкарев в своем донесении Михельсону подтверждал, что турецкие полномочные категорически не хотят распространять перемирие на сербов. Михельсон ответил, что «пока не будет перемирия для сербов, до тех пор нельзя считать и здесь перемирия, ибо наш корпус там находится, которого не могу взять оттуда без перемирия» [3, с. 99].

Лашкарев не терял надежды включить сербский вопрос, однако переговоры закончились 12 августа отказом турецких представителей признать распространение будущего соглашения на восставших сербов Белградского пашалыка. Парадоксальность и сложность ситуации подтверждает письмо дипломатического агента в Сербии Родофиникина: «Между Россией и Портой заключено перемирие; в Сербии сидит русский чиновник, а война между Сербией и Турцией не прекращается...» [3, с. 98].

В итоге удалось добиться лишь включения в текст документа пункта о распространении перемирия исключительно на те участки фронта, где повстанческие отряды соприкасались с подразделениями русской армии. Выработанные и согласованные условия Слободзейского перемирия были подписаны уполномоченными обеих сторон 12—24 августа 1807 г. В тот же день Лашкарев отправил их в Петербург. Для опытного дипломата было очевидно, что подписанные им условия перемирия нельзя считать выгодными как для России, так и для Сербии. Сменивший на посту Главнокомандующего Михельсона после его смерти 5 августа 1807 г. К. И. Мейендорф 12 августа скоропалительно утвердил присланные ему пункты перемирия. 25 августа 1907 г. Лашкарев и Галиб-эфенди обменялись ратифицированными актами договоров о перемирии.

Александр I не одобрил текст Слободзейского договора об условиях перемирия, которые, по его мнению, не соответствовали результатам одержанных русскими войсками побед на

Дунае. Особое недовольство вызвали статьи договора о частичном распространении перемирия на сербов, обязательство русских не начинать военных действий ранее 3 апреля 1808 г. и статья о возврате захваченных у турок кораблей [4, т. I, с. 280]. В то же время не утвержденное императором перемирие фактически соблюдалось, и, по заверению турок, «сербы до окончательного заключения мира с Портою оставлены будут в спокойствии» [3, с. 436—438].

Главнокомандующим Молдавской армией Александр I назначил князя А. А. Прозоровского, который испытывал личную антипатию к Лашкареву. Это назначение и определило дальнейшую судьбу дипломата. Еще во времена Екатерины II он слыл любимцем Потемкина, который мешал Прозоровскому продвигаться по службе. Используя ситуацию, фельдмаршал решил расправиться с человеком, виновным только в том, что в свое время был другом Потемкина. Прозоровский сочинил компрометирующие материалы и с ходатайством об отстранении Лашкарева от обязанностей отослал в Петербург. 11 декабря 1807 г. император подписал указ об отзыве Сергея Лазаревича из княжества. С чувством обиды и несправедливости, но с сознанием выполненного долга Лашкарев ухал в свое имение под Витебском.

Перемирие с турецкими войсками, подписанное С. Л. Лашкаревым, фактически продолжалось до весны 1809 г. Затем после длительных переговоров был подписан 16 (28) мая 1812 г. Бухарестский мирный договор. Его VIII статья обязывала предоставить сербам автономию, о существе которой Сербия и Турция должны были договориться при посредничестве России. В сербской освободительной борьбе русская дипломатия играла определяющую роль, и деятельность Сергея Лазаревича Лашкарева — одна из ярких страниц русско-сербских связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя политика России XIX — начала XX века: документы российского Министерства иностранных дел / Ком. по изд. дипл. док-тов при МИД СССР: А. А. Громыко (пред.) [и др.]. Серия первая, 1801—1815 гг.: в 8 т. М. : Госполитиздат, 1960—1972. Т. III. Док. 257—258. С. 631—646.

2. *Кессельбреннер, Г. Л.* Хроника одной дипломатической карьеры / Г. Л. Кессельбренер. М. : Наука, 1988. 279 с.

3. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия: сб. документов: в 2 кн. Кн. 1: 1804—1807. М. : Наука, 1980. 478 с.

4. *Петров, А. А.* Война России с Турцией 1806—1812 гг. / А. А. Петров. СПб., 1885. Т. 1. 302 с.

РЕЗЮМЕ

Темой статьи являются важнейшие политические события Новой истории Сербии. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. положило начало организованной борьбе сербского народа за национальную независимость и государственность. В становлении сербского государства большую роль играла Россия. Азиатский департамент российского МИДа, его лучшие представители, в частности русский дипломат С. Л. Лашкарев, принимали активное участие в борьбе сербов за независимость и укрепление русско-сербских политических связей.

SUMMARY

The subject of this article are the most important political events of the modern history of Serbia. The first Serbian uprising 1804—1813 marked the beginning of the organized struggle of the Serbian people for national independence and the establishment of the Serbian statehood. Russia played a significant role in the establishment of the Serbian State. Asian Department of the Russian Foreign Ministry, its best representatives, in particular Sergei Lashkarev, took an active part in the fight of the Serbs for independence and played an important role in strengthening of the Russian-Serbian political relations.

Статья поступила в редакцию 7 октября 2011 г.